

Лето

(рассказ)

Феликс Мурзабеков

Всю ночь он кого-то обманывал. Решив встать утром по раньше, Андрей с вечера заготовил спортивную форму, легкий завтрак, и, поставив будильник на время, которое обычно считал ночным, устроился в кровати. Но через несколько минут в комнате, по обыкновению, стало невыносимо душно и накинув на себя майку и шорты, (типичную домашнюю одежду студента) он, шаркая по пустому коридору двинулся к окну.

Летом общежитие было странным местом. Оно напоминало только что заброшенный дом, из которого срочно эвакуировались люди. Однако, не стоило терять бдительности, ведь как-только ты, почувствовав счастье одиночества, выйдешь из душа и, широко по-хозяйски шагая, пройдешь мимо комнат, столовой и «не законной курилки», то обязательно наткнешься на откуда-то взявшуюся группу людей. А все же летом здесь было прекрасно. В большие деревянные окна, какие теперь редко встретишь в Москве, проникали толстые, солнечные лучи и аккуратно ложились на стену, создавая высокие, желтые порталы. В комнатах же всегда было очень темно, во-первых, у многих такой роскоши как окна, вообще не было, а во-вторых, те у кого они были, заставлялись громадой сумок, черных пакетов и коробок, которые никогда не удавалось разобрать. Летние ночи здесь были совершенно не похожи ни на какие остальные. Прежде всего потому, что их хотелось с кем-нибудь разделить, а еще, сидя в «не законной курилке», (так ее называла комендантша Лидия Николаевна), по-особенному мечталось. Сидишь на подоконнике, сбрасываешь пепел в легендарную банку из-под детского питания, которая передавалась из поколения

поколению, смотришь в окно и все тебе кажется таким достижимым. Не то что зимой, вроде и сидишь на том же подоконнике, и в ту же банку стряхиваешь пепел, а глянешь в окно и думаешь «Да куда там, раз мечтался...»

В самом начале, когда Андрей только попал сюда, ему было дико неуютно. Его представления о студентах медицинского института, как о чистоплотных, помешанных на стерильности людях круто перевернулись, как только он вошел в эту комнату. Будучи человеком закрытым, домашним, но самое страшное - брезгливым, он ко всему тяжело привыкал. Первые несколько месяцев все свои деньги он оставлял в кафе, так как не мог привыкнуть обедать возле горы немытой посуды, но через некоторое время он понял, что выжить ему таким образом не удастся и осознал, что не мытая посуда - это всего лишь немытая посуда, тоже самое случилось с туалетом, душем и всем остальным.

В комнате их было четверо: Слава - милый, симпатичный, но как оказалось, чрезвычайно лукавый человек, Володя - толстый, добродушный парень (родители которого не отпустили во ВГИК), Игнат - пожалуй самый яркий представитель триста первой комнаты, высокий, темный парень, в прекрасной физической форме, которая была для него не просто визитной карточкой, а ключом, во многие женские постели. И, наконец, Андрей - с трудом уживавшийся со всеми остальными. О том, что ему было сложно разделять личную жизнь с теми, кого он втайне называл «сокамерниками» никто не догадывался. Таким было условие его характера - все переживать самому, в глубине себя, в животе.

Однако теперь, он даже забыл о постоянном напряжении, в комнате никого не было, царила идеальная чистота, которая все же была заметна при всей аскетичности жилища. Даже воздух появился. И если по началу тишина в опустевшем помещении показалась ему странной и даже похожей на розыгрыш, как будто все трое ребят стоят за дверью, и через мгновение вбегут сюда с криками, бросят спортивные сумки на кровати и непременно убьют ту сладостную атмосферу его одиночества, то теперь, все было иначе. Прошел почти месяц, и он, привыкший к легкости передвижения, затосковал по юным девам, которые впрочем тоже, скрылись в лето.

Все эти дни были похожи один на другой и только сегодняшний выбивался тем, что обещал быть непредсказуемым. Андрей помнил, что сегодня из Венеции прилетал Игнат, который какое-то время может пробыть в общежитии перед тем, как отправиться домой в Воронеж. Вопрос который мучил его, состоял в том, какое именно время ему понадобится провести в общежитии. Он, конечно, понимал, что не имеет права на такую постановку вопроса, все же общежитие дело общее, он здесь не хозяин, если нужно значит причина уважительная *et cetera*... А все же в душе нервничал и стыдно сказать, злился на него. Но день подходил к концу, на электронных часах общежития замерли жирные зеленые цифры 23:59 и это заставляло думать его о том, что Игнат поменял планы. Докурив сигарету, он прикрыл окно ровно наполовину и, наощупь двинулся к желтому едва заметному огоньку, мерцавшего от лампы в его комнате. Добравшись до кровати, он, наконец, честно признался себе, что не уснет раньше двух часов и дотянувшись рукой до соседней тумбочки вытащил оттуда рванную книгу без начала и конца. От того что он не мог понять, кто автор этого текста и о чем он, книга мгновенно стала ему интересна. Тем более что первая уцелевшая страница, как будто бы открыла рот и завела с ним тайный разговор со слов «Я вижу, как много людей умирает, придя к убеждению, что жизнь не стоит труда быть прожитой». Эта

фраза повела за собой другую, еще более интересную и Андрею ничего не оставалось, как каждую минуту переворачивать страницу до тех пор, пока из коридора не послышался стук слетевшего с лестницы чемодана. Резким движением он отбросил книгу на соседнюю кровать и, тихо перевернувшись на бок, сделал вид что спит. Он сам удивлялся этой своей способности реагировать на простые вещи сложно. Ведь можно было вскочить с кровати и прямо в трусах, по-домашнему, встретить доброго однокурсника, а не вести себя как шкодящий ребенок, боящийся разоблачения.

Он услышал, как открылась дверь, маленькую паузу перед входом в которой Игнат наверняка успел оценить обстановку, пару ударов слепого чемодана, несколько неразборчивых звуков, затем скрип железной кровати, щелчок зажигалки (странно, он никогда не курил в комнате, да еще и при спящем человеке), услышав хруст открывающейся банки, он по запаху понял, что это пиво, но больше никаких звуков не было. Не было слышно, как тот стряхивал пепел, не было слышно, как он пил, ничего... Казалось, что он, вдруг, беззвучно исчез из комнаты, будто его вообще здесь не было, и только запах сигареты опровергал эту сомнительную догадку. Прошло несколько минут абсолютной тишины, как вдруг Андрей услышал глухой, тихий голос Игната, сообщающий то, чего никто не должен был слышать:

- Старик, ты спишь?

Андрей быстро подумал о том, что если он не ответит, то вся его идиотская афера затянется и, повернувшись вполоборота, он, щуря изо всех сил глаза, ответил совершенно не спящим голосом:

-Нет...

Затем, оттянув огромное зимнее одеяло, которое было лень поменять на летнюю простынь, он пожал Игнату руку и наконец разглядев его, понял, что тот сильно изменился за то время, пока они не виделись. Он как будто повзрослел, стал тяжелее, медленнее чем обычно. В глазах его пропал тот самый огонек, говорящий о подростковом голоде, и вообще лицо его было таким, какое обычно формируется после трагедии.

- С тобой что-то случилось? – спросил Андрей.

- Да, старик...

- Что-то страшное? – аккуратно, словно нащупывая, снова спросил он.

- Возможно...

- Не хочешь об этом говорить? - Андрей спросил с такой интонацией, как будто был рад, если бы тот не хотел.

-Хочу... Но для этого мне нужно выпить, я понимаю, сейчас уже поздно, и ты скорее всего откажешь мне в компании, но если вдруг...

-Пойдем - Перебил его Андрей и, сам удивляясь своему решительному ответу, он резко вскочил с кровати, накинул на себя летнюю полосатую рубашку, штаны, кеды и вышел в ночь.

Вскоре они обнаружили, что все ближайшие заведения были закрыты, людей на улице почти не было, и, свернув наугад в переулок, они увидели машину такси. Игнат нервным

шагам двинулся вперед, подошел к курящему таксисту и о чем-то договорившись, махнул Андрею рукой.

Машина ехала быстро, постоянно меняя направления, таксист рассказывал им о своей явно сочиненной жизни и Андрею, вдруг показалось, что Игнату стало легче, он улыбался и даже пытался вклиниться в монолог водителя, но потом резко откинулся и снова насупив брови, мрачно глядел в окно.

Войдя в заведение, они не без труда нашли себе столик и тут же подзвав официанта, Игнат, не открывая меню, заказал «сет из двадцати».

- Ты меня прости Андрей, что я тебя вытащил ночью, но у меня в Москве друзей нет, настоящих друзей, понимаешь? – грузно проговорил Игнат

- Понимаю... Что же с тобой случилось? Ты как-то изменился...

- Думаешь? Хотя да, наверное- сказал Игнат и посмотрел в окно, пытаясь разглядеть свое отражение – В общем, так случилось, что я влюбился.

- Как?

-Влюбился говорю...

Андрей вдруг схватился за голову и рассердившись сказал:

- Боже мой, я думал у тебя отец умер или кто-то близкий!

- Да если бы. Я ведь впервые влюбился, ты не думай, да еще и так глупо влюбился...

- Как глупо? В парня что ли?

- Да прекрати ты, ладно, зря я это с тобой начал...

-Нет уж давай рассказывай, раз притащил меня сюда.

- Как я могу тебе рассказывать, если ты не понимаешь меня? Я ведь озабоченный, мне женщина нужна только для того, чтобы...

— Это я знаю - иронично перебил его Андрей.

— Вот, а в Венеции я познакомился с девушкой, необычной девушкой - (он имел привычку повторять слово добавляя к нему важное прилагательное) с которой я впервые почувствовал себя лохом, понимаешь старик? На которую я посмотрел такими глазами, какими раньше на женщин не смотрел - он было разговорился, но тут подошел официант и, прервав его, поставил большой поднос, на котором стояло двадцать рюмок водки.

Выпивая с небольшим перерывом, Игнат рассказывал ему о Нине, с которой он случайно познакомился в Венеции. Будучи одиноким путешественником, гондола выходила ему очень дорого и тогда он присел на скамейку, ожидая того, кто мог бы разделить с ним эту туристическую радость. Так они и познакомились. Потом он рассказывал, что пригласил ее в кафе съесть итальянского сорбетто, а она, сославшись на то, что мороженого не ест, отказалась и пригласила его в какой-то католический храм, послушать какого-то очень знаменитого композитора.

Постепенно выпивая, Андрей почувствовал, что с ним сейчас происходит что-то очень хорошее, внутри все как будто танцевало, он с таким интересом слушал Игната, что казалось его собственная жизнь была ему сейчас совсем безразлична. Они и не заметили, как опустели все рюмки и заказав дважды по одной, решили не тратить своего времени, взяв еще один «сет из двадцати».

- Как бы мне хотелось, чтобы ты ее увидел, ты бы сразу все понял, ничего не нужно было бы объяснять. Да она же просто чууудо, обыкновенное чуудо. Между прочим, ты любил когда ни будь? - Навалившись на стол и прищурив один глаз спросил Игнат

- Перед тобой сидит человек, который никогда, никого не любил! – Дробно и медленно сказал Андрей

- А мамуууу? – протянул Игнат все в той же надзирательной манере

- И маааму! – сказал Андрей, как-то очень громко.

Через некоторое время все стало необыкновенно тяжело. Трудным было смотреть на свет от зеленых ламп, поднимать бокал, быстро говорить, смеяться, шутить, все, казалось, требовало больших усилий. Потом они почему-то оказались на улице, скорее всего их выгнали, но они этого не помнили, Андрей присел на автобусной остановке и погрузился в сон.

Такого медленного сна Андрей еще никогда не видел, ему снилось, что он совсем маленький, на даче, прыгает через кочан капусты, падает, а потом, вдруг, отталкивается и куда-то высоко летит. Снилось, что пришла зима и он, спрятав голову в пуховый платок, едет по утреннему Петербургу на извозчике и о чем-то без конца говорит, а повозка то и дело подскакивает от больших камней. В какой-то момент он, почувствовав что ему становится все больнее от ударов повозки, приоткрыл один глаз и увидел перед собой что-то железное, обо что он, видимо, и ударился. Он снова закрыл глаза, пытаясь догнать сон в котором не успел договорить с кучером Алексеем, но попытки были тщетны, все растворилось в снежном Петербурге и осталась одна только белая мгла. Вскоре проснувшись, он увидел перед собой желтую доску, в мгновение вспомнил прошлую ночь, перевернулся на бок и понял наконец, что очутился в поезде. Сердце вдруг попыталось забиться, но после вчерашней ночи это было нелегко и сфокусировавшись, Андрей разглядел седого, крупного человека с пышными усами, который с ручкой в руке вписывал слова в кроссворд. Он лежал на второй полке, а значит и Андрей тоже, так как взгляд его был прямо напротив. Сердце снова попыталось забиться, теперь это получалось лучше, он посмотрел вниз, там лежала крупная дама, видимо жена седого мужчины сверху. Только Андрей испугался того, что Игната нигде не оказалось, дверь купе отворилась и тот, бодрый и радостный, с золотистым чаем в руках, вошел в вагон.

- Хорошо что ты проснулся! Скоро выходить. Чайковского будешь? – полушепотом спросил Игнат

- Какого Чайковского, куда выходить? Мы где? - спросил Андрей

- В поезде, в Питер едем... Ты чего?

- Зачем?

- Так к Нине, ты что не помнишь? Ты же сам предложил...

И действительно, Андрей начал вспоминать кассу, где договаривался купить билеты по фотографии паспорта, вагон ресторан, проводницу с которой заигрывал, но во все это верилось с трудом. Спустившись, они выпили чай, Андрей, наконец, успокоился, все же было лето и делать ему было нечего, но этот поступок был так на него не похож, что ему даже было немного стыдно, перед самим собой.

Без всяких сумок, пакетов, налегке, они сошли с поезда и вдохнув прохладного Питерского воздуха, отправились завтракать.

- Денег у меня осталось немного, но ты не переживай нам хватит. Здесь, как мне кажется, все даже дешевле чем в Москве- говорил Игнат, поедая яичницу с беконом- здесь деньги уходят в основном на музеи, а чего нам музеи, да?

- Игнат, тебя вообще не смущает что мы вот так спонтанно, приехали сюда?

- Не захватив носового платка?

- Да, а еще зубную щетку, трусы, носки

- И мозги – сказал Игнат и вдруг расхохотался- ты человек нежный, мне вот все равно на всякие мелочи.

Позавтракав, они вышли на Невский, зашли в маленький супермаркет, Андрей купил зубную щетку, Игнат баночку колы, потом Андрей вспомнил что в Питере в Елисеевском магазине продаются его любимые булочки с лимоном и они устремились туда. По дороге Андрей спросил о планах, Игнат сказал, что успел списаться с Ниной и она ждет их к восьми вечера у себя, на Пушкинской улице.

Весь день они маялись, с начала обошли дворцовую площадь, прошлись по набережной, пообедали все теми же булочками, прогулялись по Марсовому полю, сходили в музей шоколада, снова пообедали и, купив бутылку красного сухого, маленький букетик пионов, без пяти восемь были на Пушкинской улице.

-Андрей, ты только не удивляйся, но она еще не знает, что я в нее влюблен- сказал Игнат, входя в подъезд

- Можно я тебя ударю?

- Можно, но ты пойми, женщины они как звери, если ты нападешь первый, они будут убегать, а если сделаешь вид что ты и не охотник вовсе, то они сами тобой заинтересуются...

Поднимаясь по лестнице, они слышали громкую музыку сверху, шум толпы и это заставило их несколько насторожиться. Несколько раз Игнат нажал на ветхий звонок, держащийся на одном проводе, никто не открыл. Тогда он сам дернул за ручку, и тяжелая красная дверь из кожи, медленно отворилась, выпуская из квартиры вкусный табачный пар и запах дешевого алкоголя. Они, по-киношному нелепо вошли в квартиру, особенно нелепо в такой квартире выглядели пионы и, здороваясь с какими-то людьми похожими то ли на рок музыкантов, то ли на хиппи, протискиваясь через толпу, вышли наконец на большую кухню. Посередине кухни стоял деревянный стол необыкновенно большого размера, а вокруг него на диване, стульях, корточках сидели молодые и не очень люди. Игнат все

пытался найти Нину и обведя глазами кухню, подумал, что ее здесь нет, но вдруг, заметил широкий подоконник, на котором сидели две девушки, одна из которых и была Нина.

Заметив гостей, она по-хулигански скинула ноги с подоконника и в припрыжку подбежала к ребятам.

- Как же здорово, что ты приехал- сказала она, пожимая Игнату руку- а Вы, я так понимаю, Андрей мечтавший посетить наш город?

Андрей хотел было оправдаться, но Игнат перебил его словами:

- Да, это мой друг, о котором я тебе писал.

Она и впрямь показалась Андрею особенной, не похожей на остальных девушек. Небольшого роста, нежная, но хулиганистая, яркая, но в то же время интеллигентная. Со слегка вздернутым носиком, тоненькой шеей, мягкими каштановыми волосами чуть длиннее уха, тонкими запястьями и аккуратными пальчиками. Нина была совсем трезвой, в отличии от всех, кого они успели заметить.

-Большое спасибо! - Воскликнула она, приняв букет- Присаживайтесь, здесь очень громко, надеюсь Вас это не смущает? Ксюша уже подходила к Вам? Вам нужно с ней познакомиться, она хозяйка квартиры, иначе никак нельзя, она обидчивая, пойдемте- протараторила она и держа в руках цветы, которые наконец стали гармонировать рядом с ней, она вышла из кухни , ребята шли следом, снова проталкиваясь через большую толпу, они втроем вышли из квартиры и поднялись по лестнице вверх. Этаж этот был последним, дверь, которую Нина открыла была очень узкой и Игнату даже пришлось немного повернуться, чтобы войти туда боком. Комнатка, в которую они нырнули, была совсем не похожей на большую Нинину квартиру, во-первых, потому, что в ней было очень свежо, чисто и была она такой крохотной что они, трое едва умещались здесь, а во вторых она была уютной, домашней словно из пряничного домика. Нина открыла форточку, поправила одеяло и нырнув под кровать, достала оттуда котенка.

- Ну вот — это Ксюша, теперь Вы знакомы – сказала она без всякого сарказма.

У Игната было такое лицо словно он еще не понял что это была шутка, Андрей же слегка улыбнулся и внимательно посмотрев на Нину спросил:

— Это тоже Ваша комната?

- Да- сказала она, внимательно посмотрев на него.

Потом они спустились, Нина познакомила их еще с несколькими ребятами, посадила их за стол, села сама, музыка играла уже совсем другая, манерная и мелодичная. Некоторые уже расходились и Андрею показалось странным то, что никто ни с кем не прощался. Изумлял его и Игнат, приехавший к Нине, он сидел на балконе и пел с каким-то громадным парнем, видимо соревнуясь, кто громче. Андрей снова внимательно посмотрел на Нину, которая стала почему-то грустной и молчаливой, она резко обернулась и встретила с ним взглядом, как будто ожидала этой встречи, после она взяла бокал и обратилась ко всем:

- Друзья, спасибо всем, давайте по традиции выпьем за следующую пятницу!

“Так вот они какие Петербургские намеки, у нас в Москве, чтобы сообщить людям, что им пора, просто включают свет”, подумал Андрей, выпив последний бокал. Глазами он нашел Игната, который уже давно лежал на диване. Он хотел было его разбудить, но тут подошла Нина и сказала, что они могут остаться. Когда все вышли из квартиры и они остались вдвоем, она показала Андрею спальню и пожелав доброй ночи, исчезла.

Утром Андрей проснулся от родного запаха кофе и блинов, которые обычно по воскресеньям, делала мама. Он снова понял, что спал вне дома, но на этот раз хотя бы не в поезде, а в уютной спальне. Ну кухне хоть и остались следы вчерашнего вечера, но все же было чисто. На столе стояли блины, источавшие тот самый домашний запах, кофе в серебряной турке, масло в мельхиоровой масленице и что-то красное, видимо варенье.

- О, а вот и наш спящий принц! -С фальшивой иронией поприветствовал его Игнат.

- Доброе утро Андрей, присаживайся, можно на ты? – сказала Нина, паря по кухне.

Позавтракав она сообщила им, что сегодня идет на бесплатный кинопоказ на французском языке и спросила хотят ли они пойти с ней? Игнат, конечно же, широко кивнул головой и решение было принято. Договорившись встретиться в пять вечера у кинотеатра они, выйдя на улицу, разбежались.

- Андрей, ты сколько планируешь пробыть в Питере- с девственным видом спросил Игнат

- Ах вот как, то есть уезжаем мы не вместе?

-Что за интонация? Я просто спросил- с еще более девственным видом оборвал он

-Нет уж дорогой, я приехал сюда, как ты сам заметил, посмотреть город, и я еще очень мало чего посмотрел.

-Да ну тебя Андрюха, я не к тому ... Давай скинемся на номер в гостинице?

- Давай- обиженно сказал Андрей и перекинув ему на карточку деньги, отправился искать жилье

Они почти сразу нашли подходящую комнату и, приняв наконец душ, кинулись на кровати в попытке уснуть. Игнат обладал умением засыпать в любой позе, в любое время, при любых обстоятельствах. Андрей, напротив, тяжело засыпал вне дома. Вот и в этот раз он никак не мог уснуть, делать в номере было нечего и он, одевшись, решил вправду посмотреть город.

Проходя по набережной, он увидел бегущую толпу, китайских туристов и стал бежать за ними, рассчитывая на то, что они приведут его в какое-нибудь интересное место. Местом этим оказался дом Пушкина на Мойке. Отстояв очередь за родными ему уже китайцами, он купил билет и вошел в дом. Переходя из одной комнаты в другую, он, конечно, был потрясен великолепием и в то же время скромностью дома, но в голове его уже давно сидели мысли об одной только Нине. Может быть — это чувство, когда в голове у тебя только один человек, не колбаса, не хлеб, не любимый сериал и есть любовь? Но что Нина? Ведь она не могла быть его, он приехал поддержать приятеля. С другой стороны, это был всего лишь приятель, институтский товарищ, сожитель и только. И потом, вел Игнат себя крайне странно, как-то по-свински было напиться и улечься вот так вот на диване

прелестнейшей девушки. А может быть он просто устал? Задавая себе эти вопросы, он вдруг почувствовал, что кто-то одернул его со словами:

- Сюда нельзя, что Вы делаете?!

Он увидел, как прямо перед ним висела красная, бархатная цепочка на золотых застёжках и почувствовав жгучий стыд, Андрей второпях покинул Пушкинский дом. Весь день он пытался занять себя чем-нибудь, делать вид, что не помнит о ней, но на самом же деле только и ждал их встречи. В конце концов, присевши где-то в парке, он мужественно признался себе, что влюбился.

Встретившись с Игнатом в четыре часа возле кинотеатра, они выпили по чашке кофе и дождавшись Нину вошли в кинозал. То, как они сели, ужасно раздражало Андрея. Нина сидела перед пожилой дамой, перед ней сидел Игнат, а за ним Андрей. Они оба ничего не понимали из того, что показывали на экране, и только когда Нина смеялась, они фальшиво тянули улыбки.

Сразу после показа они купили бутылку красного вина, хлеб, ветчину и отправились к ней. Когда они подошли, там уже стоял большой, не побоюсь этого слова – толстый, человек, в синем велюровом пиджаке с красным платком и черными глянцевыми очками для зрения. Первым к нему бросился Игнат, Андрей вспомнил, что это был тот самый парень, с которым тот вчера пел на балконе.

Весь вечер они рассказывали друг другу смешные истории, каждая из которых начиналась со слов «А вот у меня». Когда они выпили две бутылки вина и съели всю ветчину то Рома, который продолжал брататься с Игнатом, взял его за локоть и потащил в магазин. Когда они вышли, Андрей вдруг почувствовал, как в висках застучало, он боялся сейчас сделать какое-то неверное движение, не знал, как поступить, дать ей понять или нет?

- А ты любишь литературу?

- Да, соврал ей Андрей- особенно раньше любил...

- А кто же твой любимый писатель?

-Знаешь, -он был явно не готов к этому диалогу- тебе покажется это архаичным (он услышал это слово сегодня в музее), но Пушкин

- Ни черта это не архаично, это необыкновенно! Сегодня в моде только поэты и писатели двадцатого века, а ведь они и близко не смогли подойти к Пушкину, или к моему любимому поэту- Тютчеву – она прямо таки разозлилась на что-то или кого-то- а знаешь, ну ты конечно знаешь , что Тютчев обожал Пушкина и его смерть была для него личной трагедией. А ты когда ни будь был на черной речке?

- Нет, ответил Андрей

- Поехали!

С ним что-то происходило, он был на себя не похож , ему было все равно, что подумает Игнат и то, что он не должен был так поступать, ему хотелось быть с ней, случайно касаться ее руки, говорить глупости от которых она смеялась, он хотел ее внимания...

Всю дорогу в такси они говорили о Петербурге, о том, как сложно иногда здесь бывает жить и как все-таки здесь хорошо. Когда они приехали было темно и она подвела его к большому обелиску посвященному Пушкину. Потом они прошли через какой-то мостик, вокруг никого не было, только комары, что без конца кусали их.

- Тебе грустно? - спросила она

- Немного- сказал он

- Если бы он не погиб, он бы еще столько написал, а может быть и нет. Я в такие минуты вспоминаю его стихи из Онегина:

*«Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне, счастлив и рогат,
Носил бы стеганый халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел,
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей.»*

В любом случае, так распорядилась судьба- закончила она и тяжело задумалась.

Когда Андрей наконец понял почему она считает его грустным, он снова испытал знакомое чувство стыда и по-идиотски топнув ногой сказал:

- Я не из-за Пушкина грущу, из-за тебя, мне кажется, что я люблю тебя, что я впервые влюбился, какая же я сволочь, я... — он хотел было сказать что-то, но почувствовал как нога сделала шаг к ней, рука сама схватила ее руку подтянула к себе и он поцеловал ее. Он целовал ее долго, лишь иногда, быстро, нервно забирая воздух. Он почувствовал, как стало совсем темно, почувствовал сломавшуюся ветку на которую случайно налетел вместе с ней, затем ощутил как ботинок соскочил во что-то мокрое, это была какая то канава или просто лужа, не было видно, и наконец, оторвавшись от нее, взял ее за руку и вывел из темноты.

Ее сердце билось так же быстро, как и его, они вышли к дороге, поймали машину, он хотел сказать ей что-то, но она нервно отвернулась. Андрей все не мог понять, что с ней случилось, может быть она этого не хотела? Но ведь она сама держала его руку так же крепко, как и он ее. А вдруг ему это показалось? Он совсем ничего не понимал. Подъехав к дому, они выбежали из машины, Андрей схватил ее за руку, она обернулась, посмотрела на него и уже сама потянув к себе поцеловала.

В квартире по-прежнему сидели Рома и Игнат, который к тому моменту был уже сильно пьян, и еле выбравшись из-за стола, он раскатисто произнес:

- Что это значит, где Вы были? Почему вы нас бросили?

-Мы целовались, извините пожалуйста - как ни в чем не бывало сказала Нина.